

П.В. Шлыков*

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ
В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (2000–2010-е ГОДЫ)****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье предпринята попытка декодировать логику ревизии региональной политики Турции в 2000–2010-е годы, вписав ее в более широкий контекст трансформационных процессов на Ближнем Востоке. Для этого автор обращается к концепции «конкурентной полицентричности», которая позволяет учесть синхронное проявление, взаимное переплетение и субстанциональную оппозицию целого ряда ключевых трендов в развитии региона в указанный период. В этой связи трансформационные процессы на Ближнем Востоке рассмотрены на трех взаимосвязанных проблемных уровнях: глобальном, отражающем изменения в расстановке сил и характере участия мировых держав в ближневосточных делах; региональном — охватывающем отношения ключевых ближневосточных государств; и, наконец, страновом — позволяющем проанализировать переплетение внутри- и внешнеполитических императивов в политике той или иной страны. Подобный подход позволил автору показать, как на фоне относительного снижения американского влияния и ограниченного по своему характеру вовлечения в региональные процессы со стороны ЕС, КНР и России на первый план начинает выходить конкурентное взаимодействие нескольких претендующих на лидерство центров силы, представленных Турцией, Ираном, Израилем и Саудовской Аравией. Однако формирующаяся в регионе полицентричность не приводит к созданию устойчивого баланса сил, поскольку объектом приложения конкурентной борьбы перечисленных государств становятся в первую очередь страны, сталкивающиеся с кризисом государственности. Особый интерес представляет пример Турции, поскольку в рассматриваемый период ее

* *Шлыков Павел Вячеславович* — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-18-01614 «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз».

внешнеполитический курс претерпел особенно глубокие изменения. Из страны, включенной в трансатлантические отношения и в значительной степени подчиненной их логике, в 2000-е годы Турция, используя свои экономические достижения, стала превращаться в независимый центр силы на Ближнем Востоке, поставив во главу угла прежде всего собственные национальные интересы. На определенном этапе подобное усиление влияния Анкары было благоприятно воспринято другими региональными игроками, однако к концу 2010-х годов проявились и явные противоречия, продуцируемые ростом ее региональных амбиций. В результате Турция стала еще одним актором, усиливающим, а не сглаживающим конкурентный характер полицентричности на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Ближний Восток, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль, Россия, США, ЕС, конкурентная многополярность/полицентричность, международные организации, многосторонние институты, региональный комплекс безопасности.

Международно-политическая трансформация Ближнего Востока¹ со времени окончания «холодной войны» находится в фокусе научного и общественного внимания, вызывая широкую дискуссию о природе и характере происходящих в регионе перемен. Ключевыми составляющими этой трансформации в 2010-е годы стали эрозия западного влияния, обострение конкуренции ведущих региональных держав и кризис национальной государственности вкупе с коллапсом значительного числа казавшихся относительно устойчивыми политических режимов. Взятые по отдельности, эти перемены не являют собой нечто совершенно новое для региона. Так, сама по себе конкурентная полицентричность может быть отнесена к одной из специфических черт развития Ближнего Востока во второй половине XX в. Кризис национальной государственности и институтов власти — неотъемлемая часть новейшей истории многих стран региона (Сирии, Ирака, Йемена, Ливана и др.) [Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018: 14–53, 98–132, 102]. Государства, считавшиеся проводниками интересов США, и раньше нередко демонстрировали стремление действовать наперекор чаяниям своего главного западного союзника. Примерами могут служить и маятниковая динамика отношений Анкары с Вашингтоном,

¹ В статье используется расширенная трактовка региона Ближнего Востока как пространства от Северной Африки до Турции и Ирана, а также расположенных к югу от них арабских стран, что в традиции англоязычной научной литературы часто обозначается аббревиатурой MENA (Middle East and North Africa).

и стремление Эр-Рияда проводить относительно независимую региональную политику, не всегда коррелирующую с американскими интересами. Таким образом, каждая из обозначенных тенденций имеет достаточно длительную историю. Однако их синхронное проявление в 2010-е годы дало кумулятивный эффект, дестабилизирующий ситуацию в регионе. Массовые антиправительственные выступления в Тунисе, Египте, Йемене, Ливии, Сирии и ряде других стран Ближнего и Среднего Востока, хотя и имели историческую подоплеку, обладали рядом специфических черт, нехарактерных для предшествующей эпохи [подробнее см.: Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия..., 2012: 3–20, 32–107; Звягельская, 2014: 30–102; Гринин и др., 2015].

Представители наиболее распространенного подхода к объяснению происходящих в регионе процессов акцентируют внимание на переходе Ближнего Востока в новую фазу геополитической развилки, завершившую период относительной стабильности и предсказуемости, длившийся несколько десятилетий [подробнее см.: Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия..., 2012: 3–20, 32–107; Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018: 14–53; *Foreign policies of Middle East states*, 2014: 1–34, 35–74; Stein, 2019]. На противоположном полюсе находятся исследователи, которые стремятся объяснить логику формирующегося нового регионального порядка и его основные детерминанты, делая акцент на каком-то одном общерегиональном тренде, например процессе исламизации [Volpi, 2019] или межконфессиональных и межэтнических расколах [Abdo, 2013, 2016; Salloukh, 2014], переформатирующих как регион в целом, так и отдельные ближневосточные государства. При этом нелинейность динамики международно-политических процессов на Ближнем Востоке и их непредсказуемость делают крайне затруднительным выделение единичных трендов, способных выступать в качестве системообразующих при формировании нового регионального порядка в целом.

В этой связи значительным эпистемологическим потенциалом, как представляется, обладает концепт «конкурентной полицентричности»². Он позволяет учесть синхронное проявление

²О концептах «полицентричности» и «многополярности» см.: [Богатуров и др., 2002: 284; Россия в полицентричном мире, 2011: 7–10, 119–163; Kausch, 2015]. Как отмечал А.Д. Богатуров, «для многополярности характерна примерная сопоставимость совокупных возможностей одновременно нескольких государств, ни одно из которых не обладает явно выраженным превосходством над остальными».

ние, взаимное переплетение и субстанциональную оппозицию целого ряда ключевых трендов в развитии Ближнего Востока в 2000–2010-е годы и на этой основе выстроить стереофоническую картину международно-политической трансформации региона. Для этого трансформационные процессы на Ближнем Востоке необходимо рассмотреть на трех взаимосвязанных проблемных уровнях: глобальном, отражающем изменения в расстановке сил и характере участия мировых держав в ближневосточных делах; региональном — охватывающем отношения ключевых ближневосточных государств; и, наконец, страновом — позволяющем проанализировать переплетение внутри- и внешнеполитических императивов в политике той или иной страны.

Подобный подход дает возможность по-новому взглянуть на логику развития внешней политики ключевых ближневосточных государств в их системной взаимосвязи. Особый интерес представляет пример Турции, поскольку в рассматриваемый период ее внешнеполитический курс претерпел особенно яркую трансформацию. Из страны, включенной в трансатлантические отношения и в значительной степени подчиненной их логике, в 2000-е годы Турция, используя свои экономические достижения, стала превращаться в независимый центр силы на Ближнем Востоке, поставив во главу угла прежде всего собственные национальные интересы. На определенном этапе подобное усиление влияния Анкары и рост ее внешнеполитической активности были благоприятно восприняты другими региональными игроками, однако к концу 2010-х годов проявились и явные противоречия, продуцируемые ростом ее региональных амбиций. В результате Турция стала еще одним актором, усиливающим, а не сглаживающим конкурентный характер полицентричности на Ближнем Востоке. Для того чтобы лучше понять данный феномен, в представленной статье предпринята попытка декодировать логику ревизии региональной политики Турции, вписав ее в более широкий контекст трансформационных процессов на Ближнем Востоке, рассмотренных через призму концепции «конкурентной полицентричности».

Контуры ближневосточной полицентричности в глобальном контексте

Исторически в глобальном масштабе «такая структура международных отношений была в Европе XIX в., когда европейские великие державы ревниво следили друг за другом, не позволяя ни одной из них усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных не обеспечивала им заведомого превосходства над пытающимся «уйти в отрыв» соперником» [Богатуров и др., 2002: 284].

Ближний Восток никогда не был обделен вниманием крупных внерегиональных держав, однако характер их включенности на протяжении последних нескольких десятилетий серьезно изменился. Несмотря на сохранение заинтересованности, которую демонстрируют США и ведущие страны ЕС, в 2010-е годы их реальные возможности влиять на ситуацию в регионе, даже в условиях их масштабного военного присутствия, имели очевидную отрицательную динамику.

Сужение реальных масштабов вовлеченности США и других западных стран в ближневосточные дела выразилось в нескольких взаимосвязанных процессах. Наиболее рельефно это проявилось в ревизии подходов к определению ключевых угроз, исходящих из региона. После катастрофически затратного в ресурсном и имиджевом отношении вторжения в Ирак, фактически разрушившего международную антитеррористическую коалицию начала 2000-х годов, американские политики стали придерживаться более прагматичных подходов к Ближнему Востоку, место которого на шкале стратегических приоритетов потеснило азиатское направление внешней политики [Manuip et al., 2012].

Во второй половине XX в. базовые приоритеты ближневосточной политики США включали заботу о стратегической безопасности Израиля как проводника американских интересов в регионе, обеспечение свободного транзита нефти из стран Персидского залива и блокирование исходящих от региона угроз международной безопасности [Hudson, 2016]. Качественные изменения в содержании американских приоритетов на Ближнем Востоке, произошедшие в 2000-е годы, привели к тому, что для их реализации уже не требовалось прямого вмешательства в дела региона. Наличие ядерного оружия у Израиля обеспечило его стратегическое и техническое превосходство над любым гипотетическим противником на региональном уровне [Maoz, 2009: 301].

Опробованное в 1970-е годы «нефтяное оружие» стран Персидского залива в условиях, когда США после «сланцевой революции» превратились в нетто-экспортера нефти и установили контроль над большей частью морских поставок энергоносителей, утратило прежнее значение. Теперь уже Вашингтон получил возможность оказывать давление как на экспортеров, так и на импортеров нефти, связанных с морскими перевозками [Hughes, Long, 2015: 187].

В то же время и набор стран, политика которых традиционно ассоциировалась с угрозами интересам США, резко сократился. Ирак фактически был нейтрализован после свержения режима Саддама Хусейна в результате американского вторжения в 2003 г. Иран оказался под перманентными санкциями, круг которых после фактической отмены в 2018 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) стал стремительно расширяться. Остальные страны, выступавшие реальными или потенциальными раздражителями, оказались нейтрализованы в ходе «арабской весны» (как, например, режим Муаммара Каддафи в Ливии). Наиболее острой и нерешенной проблемой на ближневосточном направлении для США к середине 2010-х годов остался международный терроризм.

На официальном уровне это было закреплено в обновленной Стратегии национальной безопасности США (2015), в тексте которой борьба с «перманентной угрозой терроризма» обозначалась как ключевой приоритет³. Парадокс реализации этой задачи состоял в том, что при неизменности официальной риторики о поддержке демократических сил, важности либеральных реформ и необходимости модернизации политических институтов Вашингтон со времени президентства Барака Обамы на практике предпочитал помогать авторитарным режимам на Ближнем Востоке, которые отнюдь не были склонны к либерализации политической и общественной жизни, но демонстрировали лояльность американским интересам [Youmans, 2016: 1209]. Логика такой политики объяснялась простым расчетом: бороться с террористическими угрозами разного порядка и свойства эффективнее руками и силами местных политических режимов, готовых действовать в русле интересов США. Вместо прямого военного участия для успеха можно было ограничиться консультативно-организационной помощью и в отдельных случаях логистической поддержкой.

Известная формула «зачем делать то, что за тебя могут сделать другие» легла в основу внешнеполитического прагматизма США на Ближнем Востоке, что разительно контрастировало с подходом Дж. Буша-мл., инвестировавшего колоссальные ресурсы в ценностно ориентированную политику, фокусирующуюся

³Obama B. National Security Strategy. Washington, D.C.: The White House, 2015. P. 9. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 10.08.2019).

на борьбе с терроризмом, нераспространении ядерного оружия и продвижении демократии. В целом ни одна из этих задач не была реализована, и ближневосточная политика Дж. Буша-мл. была оценена как провальная из-за чрезмерного упования на военную силу, противоречивости целей и методов их реализации, малоэффективной дипломатии, негибкости подходов, не учитывавших местную специфику, и т.д. [Pressman, 2009: 149–150]. На контрасте с этим «бездоктринальная» политика последующих администраций, проповедовавших внешнеполитический реализм с его центральной идеей ограниченности ресурсов, вызывала ощущение «заката эпохи американского доминирования в регионе» [Gerges, 2013: 301].

К середине 2000-х годов, когда стало очевидно, что война в Ираке развивается по неблагоприятному сценарию, проблема ограниченности ресурсов вынудила США подвергнуть ревизии прежнюю конфронтационную стратегию на Ближнем Востоке [Salem, 2008: 17–18]. Стремление к поиску компромисса наиболее рельефно проявилось во второй президентский срок Барака Обамы, когда дипломатическое решение иранской ядерной проблемы оказалось в ряду приоритетов региональной политики. Результатом нового регионального курса стали вывод американских войск из Ирака и подписание СВПД с Ираном. Для традиционных союзников США, прежде всего Саудовской Аравии и других государств Персидского залива, шаги Вашингтона выглядели как поощрение ИРИ на фоне снижения заинтересованности в делах региона.

Действительно, несмотря на сохранение ближневосточной тематики в официальной риторике Белого дома, в 2010-е годы на шкале внешнеполитических приоритетов на первый план вышел Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) [Gerges, 2013: 300]. В связи с высокими темпами его экономического роста первостепенное значение АТР для американской внешней политики нашло отражение и в Стратегии национальной безопасности⁴. Императив «азиатского поворота» объяснялся тем, что власти США связывали будущее экономическое развитие страны именно с АТР, а в ряду угроз национальным интересам на первое место ставили усиление Китая [Goldberg, 2016]. Администрация Дональда Трампа в целом продолжила следовать в фарватере стратегии «азиатского поворота» с некоторыми важными изменениями,

⁴ Ibid. P. 24.

касавшимся расширению взаимодействия с Индией как потенциальной силой, которая сдерживает экспансию влияния КНР [Ayres, 2019]. На ближневосточном направлении политика США во второй половине 2010-х годов не претерпела кардинальных изменений, за исключением нового витка санкционной войны против Ирана после срыва СВПД.

На фоне постепенного снижения интереса США и других западных стран к Ближнему Востоку противоположные тенденции можно увидеть в подходах к региону у Китая. Правда, интересы эти пока во многом чисто экономические. Развитие энергетического сотрудничества и обеспечение доступа китайских товаров на местный рынок — главные драйверы ближневосточной политики Пекина (с 1993 г. КНР — крупнейший импортер ближневосточных энергоресурсов) [Calabrese, 1998: 351]. Для нефтедобывающих стран региона Китай — важная альтернатива США, сократившим объемы импорта нефтепродуктов. К середине 2010-х годов более половины нефти Пекин закупал именно на Ближнем Востоке [Meidan et al., 2015]. Существенная роль региону отведена и в рамках реализации масштабного логистического проекта «Один пояс — один путь» как в сухопутной, так и в морской его части [Andersen, Jiang, 2014: 27]. За 10 лет — с середины 2000-х годов — объем прямых инвестиций Китая в регион Ближнего Востока и Северной Африки увеличился без малого в 10 раз — с 3,4 млрд долл. в 2005 г. до 27,8 млрд долл. в 2016 г.⁵, а по итогам 2018 г. Ближний Восток стал единственным регионом, объем прямых инвестиций в который со стороны КНР демонстрировал уверенный рост [Molavi, 2019]. Только в странах Персидского залива в середине 2010-х годов активно работали более 74 тыс. китайских компаний, преимущественно в сфере строительства и энергетики [Andersen, Jiang, 2014: 28].

Торгово-экономическая экспансия КНР на Ближний Восток неизбежно отразилась и на политико-дипломатических отношениях Пекина с государствами региона. В 1990–2000-е годы Китай старался следовать политике сдержанного прагматизма, заботясь исключительно о безопасности своих инвестиций и сохранении торгово-экономических интересов, предпочитал не вмешиваться в ближневосточные коллизии и рассматривал военное присутствие США вкупе с политической активностью

⁵China global investment tracker // American Enterprise Institute. 2018. Available at: <http://www.a.ei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed: 10.08.2019).

Вашингтона в умеренно-позитивном ключе [Andersen, Jiang, 2014: 29]. Ограниченный формат участия в ближневосточных делах (на дипломатическом уровне в переговорах по иранской ядерной программе или проблеме Судана) при соблюдении принципа невмешательства позволил наблюдателям характеризовать китайскую стратегию в регионе как «активный прагматизм» [Andersen, Jiang, 2014: 6], верность которому Пекин сохранял и в 2010-е годы, несмотря на призывы части китайской элиты расширить военно-политическое присутствие пропорционально торгово-экономическому [Evron, 2015: 125–126].

Что касается Европы, то исторически она была глубоко интегрирована в ближневосточную проблематику, однако в 2010-е годы включенность ЕС в дела региона практически свелась к обеспечению своих торгово-экономических интересов. Статистика 2010-х годов фиксирует относительный рост прямых инвестиций Евросоюза в страны Ближнего Востока и Северной Африки: в середине 2010-х годов их объемы перешагнули отметку в 171 млрд долл.⁶ Однако масштабы экономической деятельности ЕС в регионе не подкрепляются сопоставимым размахом политического участия (невысокая активность по иранской проблеме, гражданской войне в Сирии и т.д.)⁷. Парадоксальным образом при наличии широкого диапазона интересов в сфере не только торговли и инвестиций, но и региональной безопасности, противодействия терроризму, регулирования миграционных потоков и т.д. политическая инициатива ЕС на Ближнем Востоке в 2010-е годы имела ограниченный формат выражения [Demmelhuber, Kaupert, 2014]. Опора на концепт «нормативной силы», центральный для внешней политики Брюсселя, оказалась не совсем подходящей основой для выстраивания долгосрочной стратегии на ближневосточном направлении, особенно с учетом политико-экономического и военно-стратегического значения региона. Яркий пример — европейское участие в урегулировании палестино-израильского конфликта, показавшее ограниченность

⁶ Foreign direct investment statistics // Eurostat. 2018. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Foreign_direct_investment_statistics (accessed: 10.08.2019).

⁷ При этом на «национальном уровне», во внешней политике ряда европейских стран, можно отметить и несколько исключений: инициативы Франции по Палестине и Ливии, активность Италии в Ливии и др.

и невысокую эффективность «нормативной политики» ЕС [Sini-ver, Cabrega, 2015: 214].

Россия с середины 2000-х годов начала ощутимо наращивать активность на Ближнем Востоке сразу по нескольким направлениям: в торгово-экономической, энергетической и военно-политической сферах. Стремительно развивавшиеся события в регионе в ходе «арабской весны» требовали быстрого реагирования на перемены. В новых условиях рельефно проявился специфический характер прагматических подходов России к Ближнему Востоку, где в качестве приоритетной была выбрана линия на поддержку существующих политических режимов, пресечение внутренних гражданских конфликтов и противодействие внешнему вмешательству. Такие подходы объяснялись стремлением не допустить распространения радикальных и террористических группировок на территорию России и приграничные страны и регионы⁸. Высокая степень включенности в региональные процессы в 2010-е годы, особенно на сирийском направлении и в рамках борьбы с террористической активностью «ИГИЛ»⁹, все рельефнее проявляла желание России выступать в качестве одного из главных игроков на Ближнем Востоке, определяющих региональный порядок.

В то же время специфика ближневосточной ситуации и острая конкуренция между региональными державами делали крайне затруднительной простую конвертацию экономической и военно-политической активности России, Китая, США и ЕС на Ближнем Востоке в реальное влияние на формирующийся новый ближневосточный порядок.

Таргетированный характер присутствия мировых держав на Ближнем Востоке непосредственно отразился на региональном миропорядке, дав очевидные преимущества ближневосточным центрам силы — Турции, Ирану, Саудовской Аравии и Израилю, возможности которых в создании военно-политических альянсов и выстраивании регионального порядка исходя из своих интересов серьезно увеличивались.

⁸ Выступление В.В. Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный сайт Президента России. 28.09.2015. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 10.08.2019).

⁹ «Исламское государство» (до 29 июня 2014 г. — «Исламское государство Ирака и Леванта», «ИГИЛ») — террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации. — *Прим. ред.*

Ближневосточные «сверхдержавы»

Несмотря на достаточно широкий круг стран, претендующих на региональное лидерство, подлинными ближневосточными «сверхдержавами» можно считать четыре государства: Турцию, Иран, Израиль и Саудовскую Аравию. У всех четырех есть далеко идущие амбиции, подкрепленные наличием достаточных военно-политических и экономических ресурсов, их правительства проводят активную внешнюю политику на региональном уровне и, что немаловажно, их авторитет и влияние признаются другими странами региона [Öniş, 2014: 204]. При этом у каждого из обозначенных государств имеется свое видение оптимального регионального порядка. Израиль и Саудовская Аравия придерживаются консервативного подхода и выступают за сохранение статус-кво, считая установившийся в середине второй половины XX в. региональный порядок с США в роли силы, детерминирующей региональную подсистему, соответствующим своим стратегическим интересам¹⁰. Прямо противоположную позицию занимают Иран и Турция, ратующие за кардинальную реформу регионального порядка, причем мотивация у Анкары и Тегерана совершенно различна [Keuinan, Sazak, 2015].

С начала 2000-х годов, когда к власти в Турции пришла Партия справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана, страна стала наращивать активность на ближневосточном направлении, причем нередко в ущерб региональным интересам своих западных союзников. Некоторые обозреватели даже назвали такую политику Анкары «неоосманизмом», увидев в ней стремление восстановить влияние Турции в границах Османской империи XVI в. [Arin, 2013; Fuller, 2007; Yavuz, 1998; Taşpınar, 2008], однако точнее было бы охарактеризовать это «поворотом на Восток» ввиду соответствующего расширения целей и границ внешнеполитической активности страны. В свою очередь Иран настаивает на необходимости установления «справедливого

¹⁰ Клише саудовского официального дискурса о «консервативности королевства» означает, что проводимый государством внешнеполитический курс направлен на сохранение статус-кво, понимаемого как обеспечение стабильности в стратегически важных регионах — зоне Залива и на Ближнем Востоке [подробнее см.: Косач, 2012: 362]. Значительная часть политической элиты Израйля в своих оценках регионального порядка исходит из того, что в арабском мире велико эмоциональное неприятие Государства Израиль, поэтому любые перемены будут означать усиление антиизраильских настроений [подробнее см.: Карасова, 2012: 487; Jones, 2014].

регионального порядка» [Keyman, Sazak, 2015], главным препятствием на пути к которому он видит диктат западных стран и доминирование США.

Отправной точкой трансформации регионального порядка на Ближнем Востоке можно считать конец 1980-х годов, когда доминирование вели противостояние сразу несколько держав, ни у одной из которых не было достаточно военно-политических и экономических ресурсов для того, чтобы стать страной-гегемоном на региональном уровне [Hinnebusch, 2014: 51]. С окончанием «холодной войны» в 1990-е годы на Ближнем Востоке возобладали две тенденции, определившие дальнейшую трансформацию регионального порядка в его движении к конкурентной полицентричности: с одной стороны, это подъем суннитских держав, выступающих традиционными союзниками Вашингтона, — Турции, Египта, Саудовской Аравии и других государств Персидского залива, с другой — политическое и экономическое сдерживание Ирана и Ирака со стороны США [Mead, 2014: 70]. С вторжением международной коалиции в Афганистан в 2001 г. и началом американской интервенции в Ирак у Ирана, который на некоторое время перестал быть главным раздражителем и объектом внимания Запада в регионе, появилась возможность расширить свое влияние на региональные процессы. В 2000-е годы Тегеран в достаточной степени утвердился в роли важного регионального центра силы.

Иначе ситуация сложилась в Египте, который в 2000-е годы оказался в тисках внутривосточного кризиса, осложненного непростой экономической ситуацией и, как следствие, утратой значительной доли внешнеполитического влияния. В 2010-е годы Египет окончательно выбыл из гонки за региональное лидерство. Массовые народные выступления в январе—феврале 2011 г., краткий период пребывания у руля «Братьев-мусульман», государственный переворот 2013 г. и возвращение к власти военной элиты — цепь этих драматических событий привела к тому, что Египет при президенте Абдель Фаттахе ас-Сиси в региональной политике солидаризовался с Саудовской Аравией, фактически отказавшись от борьбы за доминирование в регионе. При этом Египет с его без малого 95 млн населения, второй по численности армией на Ближнем Востоке [Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке, 2019: 37–39] и серьезным духовно-культурным авторитетом, символом которого служит

один из старейших и наиболее престижных мусульманских университетов аль-Азхар, по-прежнему сохраняет серьезный потенциал регионального лидерства, несмотря на снижение внешнеполитической активности [Hinnebusch, Shama, 2014].

В случае с Израилем статус ближневосточной «сверхдержавы» обусловлен двумя факторами: особо тесными союзническими отношениями с США и наличием ядерного потенциала. В совокупности эти два обстоятельства позволяют небольшому государству проводить достаточно воинственную региональную политику и широко практиковать превентивные военные удары и операции, не особо опасаясь получить отпор со стороны соседних стран. Таким образом, положение Израиля как одного из региональных центров силы базируется на внушительном военном потенциале и заступничестве со стороны США, гарантирующих Тель-Авиву стратегическую безопасность [Jones, 2014: 293].

В начале 2010-х годов, непосредственно после первой волны «арабской весны», Израиль выглядел страной, утратившей былое стратегическое положение в рамках нового баланса сил в регионе, однако в последующие годы ему удалось не только восстановить свои позиции, но и укрепиться в роли одной из ведущих ближневосточных держав за счет политики сближения с рядом влиятельных региональных игроков — Саудовской Аравией, ОАЭ и др. Тесное сотрудничество Тель-Авива и Эр-Рияда по времени совпало с переговорами о заключении СВПД между «шестеркой» международных посредников и Ираном, в котором на тот момент США видели потенциального союзника в борьбе с «ИГИЛ» [Rabinovich, 2015: 10]. Перспектива ирано-американского сближения подтолкнула Израиль и Саудовскую Аравию к созданию негласного союза «умеренных региональных сил». По мнению израильского руководства, в основе подобного союза должно было быть общее понимание правильного регионального порядка: позиционируя себя как «умеренную страну», стоящую на позициях сохранения статус-кво и примата региональной стабильности, Израиль стремился объединиться с государствами, разделяющими схожие ценности и не приветствующими радикальные трансформации Ближнего Востока [подробнее см.: Карасова, 2012: 487; Jones, 2014]. Все, кто придерживался «умеренных позиций», безотносительно превалирующей этнической и конфессиональной идентичности могли быть потенциальными союзниками [Voller, 2015: 508–510].

Подобная «ось умеренных государств», как ее видели в Тель-Авиве, могла бы включать Саудовскую Аравию, Египет, Иорданию, ОАЭ и Бахрейн. Сформулированная в общих чертах еще в конце 1990-х годов, эта концепция в 2010-е годы, после событий «арабской весны», получила дальнейшее развитие и практическое воплощение [подробнее см.: Voller, 2015; Hinnebusch, 2019: 116]. Этому процессу способствовали два важных фактора: «Арабское пробуждение», во-первых, обнажило геостратегическую уязвимость Израиля, а во-вторых, изменило региональный баланс сил в неблагоприятную для него сторону [Amour, 2017: 294–297]. Еще один источник беспокойства Тель-Авива — усиление умеренно-исламистских режимов, демократическим путем пришедших к власти в Турции (2002), Марокко (2011), Египте (2012) и Тунисе (2011) и активно налаживающих взаимодействие с ХАМАС, которое создало серьезную угрозу региональным интересам Израиля и его безопасности [Amour, 2017: 299].

Поскольку из крупных региональных держав на расширение сотрудничества с Израилем такие страны, как Иран, стоящий традиционно на антиизраильских позициях, и Турция, находящаяся в конфронтации с Израилем с конца 2000-х годов, определенно пойти не могли, круг потенциальных союзников Тель-Авива оказался достаточно узким. Критерию «умеренной страны», не поддерживающей перегруппировку сил на Ближнем Востоке, отвечали Саудовская Аравия, монархии Персидского залива, Египет после прихода к власти А.Ф. ас-Сиси [Rabinovich, 2015: 5–6]. Еще одно обстоятельство, которое способствовало саудовско-израильскому сближению, состояло в том, что обе страны разделяли обеспокоенность по поводу непредсказуемых негативных последствий гражданской войны в Сирии и отношение к Ирану как к «экзистенциальной угрозе», главному источнику вызовов национальной безопасности [Potter, 2015: 43, 45]. Сирийский фактор, спровоцировавший множество деструктивных процессов в регионе (основным из которых стал подъем «ИГИЛ»), распространение радикальных группировок на ближних подступах к израильским границам и усиление иранского военного присутствия в Сирии имели катастрофические последствия для стратегического положения как Израиля [Rabinovich, 2015: 7], так и Саудовской Аравии.

Для Эр-Рияда ситуация осложнялась еще и тем, что усиление азиатского направления внешней политики США вкупе

с подписанием СВПД создавало ощущение, будто Саудовская Аравия стремительно теряет былую поддержку Вашингтона и рассчитывать на прежние особые отношения нельзя. Реакцией на это стала более энергичная региональная политика в сфере безопасности, направленная на уменьшение активности Ирана в Сирии, Ливане и Йемене, где в силу острого политического кризиса и ослабления центральной власти развернулась борьба между различными региональными группировками.

Размеры военного потенциала Саудовской Аравии недостаточны для стратегического лидерства в регионе в целом, но позволяют осуществлять сдерживание других региональных держав и обеспечивать лояльность малых стран, что с успехом реализуется, например, в отношении Бахрейна [Gause, 2014: 189]. Важным инструментом достижения доминирования Эр-Рияда над малыми странами региона служит и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В этом же ключе власти Саудовской Аравии используют и особое положение страны как религиозно-культурного центра мусульманского мира [Gause, 2014: 191–192].

Базовые цели внешней политики Эр-Рияда двуедины и сводятся к защите национального суверенитета (от гипотетического внешнего вторжения и потери самостоятельности) и обеспечению внутривнутриполитической стабильности [Gause, 2014: 185]. Для реализации этих целей последние три десятилетия королевство демонстрирует всё возрастающую активность, отправной точкой для которой стала Война в Персидском заливе (1990–1991), когда Саудовская Аравия действовала исходя из того, что ключевые угрозы ей представляют амбиции Ирака, претендующего на региональное лидерство, и опасная политика соседних Ирана и Йемена [Kechichian, 1999: 232].

Как и в случае с Израилем, идейно-ценностная составляющая определяет и характер региональной политики Эр-Рияда, и выбор союзников. Так, враждебность по отношению к Ирану в равной мере объясняется как чисто военно-стратегическими, так и культурно-историческими факторами. Исламская революция в Иране 1979 г. и провозглашение Исламской Республики как «истинно исламского государства» косвенно наносили удар по имиджу Саудовской Аравии, исторически позиционировавшей себя в таком качестве. Неслучайно оппозиция «суннитская Аравия — шиитский Иран» выступает одним из стречневых

принципов внешней политики Эр-Рияда [Darwich, 2014: 5]. Аналогично объясняется и враждебность Саудовской Аравии по отношению к «Братьям-мусульманам», возвышение которых в Египте в начале 2010-х годов стало серьезным раздражающим фактором для Эр-Рияда, добившегося к тому моменту определенных успехов в отстаивании статуса истинной мусульманской державы [Darwich, 2014: 6]. Власти королевства старались представить «Братьев-мусульман» как оппортунистов, подменивших верность догмам и ценностям ислама сиюминутным прагматизмом [Darwich, 2014: 13].

Противостояние с Ираном не только в военно-стратегической, но и в политико-идеологической сфере выступает одной из доминант внешней политики Саудовской Аравии на Ближнем Востоке. Как сторонник регионального статус-кво Эр-Рияд видит прямую угрозу в политике Ирана, выступающего за ревизию регионального комплекса безопасности, что противоречит интересам Саудовской Аравии и ее союзников. Рост влияния Ирана в Сирии и Ираке, тесные связи с Хуситами в Йемене, а также гипотетическое усиление шиитской общины Саудовской Аравии, которую Тегеран по мере расширения шиитского присутствия в регионе вполне может использовать как «пятую колонну», — всё это воспринимается как прямая угроза безопасности королевства.

Для Саудовской Аравии соперничество с Ираном давно приобрело формы экзистенциального противостояния, выражающегося в непереносимом желании сокрушить оппонента любой ценой. Позиция Тегерана в отношении Эр-Рияда в целом зеркальна, хотя и лишена столь явной ценностно-эмоциональной составляющей. Саудовская Аравия при этом активно использует инструменты «мягкой силы» и свои финансово-экономические ресурсы для расширения союзнических отношений, особенно в странах Африки, где Иран добился определенных успехов в создании лояльных сил по модели «Хизбаллы», таких как Исламское движение Нигерии [Feierstein, Greathead, 2017: 1–8]. Еще одним инструментом давления на Иран для Эр-Рияда являются ССАГПЗ и Лига арабских государств (ЛАГ), в рамках которых королевство активно лоббирует признание «Хизбаллы» террористической организацией. Подобная политика на региональном уровне несет очевидный сигнал другим странам, что нужно как можно скорее определиться, какую сторону им выгоднее принять в рамках ирано-саудовского противостояния [Berti, 2016].

Конкурентное противостояние ближневосточных «сверхдержав», по-разному видящих оптимальные характеристики выстраиваемого нового регионального порядка, во многом определяет существование государств «второго эшелона». Часть из них можно условно отнести к сторонникам статус-кво (Бахрейн, Иордания, ОАЭ), у других традиционно имеются более рельефно выраженная позиция по вопросам региональной политики (Алжир, Марокко, Оман, Катар) и стремление продвигать свои интересы. На нижем ярусе этой условной иерархии находятся страны, серьезно ослабленные событиями 2000-х и 2010-х годов (Ирак, Сирия, Йемен, Ливия, Ливан) и ставшие объектами вторжения иностранных государств и ареной противостояния как региональных, так и внерегиональных держав в борьбе за усиление своих позиций на Ближнем Востоке.

Таким образом, новый формат конкурентной полицентричности в регионе оказался не залогом устойчивого регионального порядка, а, наоборот, катализатором нестабильности. Высокая скорость трансформационных процессов на Ближнем Востоке, с одной стороны, делает установившуюся в 2000-е и 2010-е годы иерархию региональных держав неустойчивой (потенциал стран, оказавшихся во «втором эшелоне», например Египта, вполне может выдвинуть их в региональные лидеры, активность Катара и ОАЭ также продемонстрировала их амбиции), с другой — дает возможность ряду ближневосточных государств предлагать свою повестку развития региона, как это произошло в случае с Турцией.

Турция как «перекрестное государство»: ревизия региональной политики в 2000–2010-е годы

На протяжении большей части своей республиканской истории Турция не позиционировала себя в качестве ближневосточной державы, а нацеливалась на признание себя частью западного мира — именно такую задачу формулировал Кемаль Ататюрк как приоритет внешней и внутренней политики. Более того, при характеристике Турции как ближневосточной страны турецкие власти всегда подчеркивали наличие у государства одновременно нескольких «региональных идентичностей» [Altunışık, 2014: 124]. Действительно, Турция — это страна с множественной региональной идентичностью сразу по нескольким показателям: географическому положению на стыке Европы и Азии, культур-

но-историческому наследию, политическим и экономическим связям с соседними регионами. Республиканской Турции исторически было свойственно распределять внешнеполитические усилия сразу по нескольким региональным направлениям, при этом не добиваясь полноценного доминирования ни на одном из них. Неслучайно Ахмет Давутоглу, возглавлявший турецкий МИД в 2009–2014 гг., в своей концептуальной характеристике Турции и ее внешнеполитического целеполагания определил ее как «центральную страну» обширного региона Афразии — суперконтинента, включающего Африку и Евразию, поскольку не хотел, чтобы Турцию и ее политику рассматривали узко-регионально. В концепции А. Давутоглу Ближний Восток для Турции — «неотъемлемый хинтерленд», в то время как сама она принадлежит сразу нескольким регионам [Davutoglu, 2008: 78].

Нахождение Турции на стыке Европы и Ближнего Востока способствовало появлению концепции «перекрестного государства» (*cusp state*) [Herzog, Robins, 2014]. Ее авторы Филипп Робинс и Марк Герцог отмечали, что географическое положение Турции между двумя столь различными регионами (кардинально различающимися по военно-стратегическим, политико-идеологическим, экономическим, духовно-культурным и иным характеристикам) подвергают ее «гравитации сразу двух региональных подсистем» [Robins, 2006: 204]. В свою очередь Барри Бузан, подчеркивая специфику геополитического положения Турции, определял ее как «изолированную страну» по причине ее нахождения на периферии как Ближнего Востока, так и Европы, в полной мере не принадлежащую ни к одному региональному комплексу [Buzan, Waver, 2004]. Как следствие, у Турции отсутствует четкий региональный базис, структурирующий ее положение и внешнеполитическую активность.

Иногда с целью высветить гибридность геополитического положения Турции ее определяют как «лиминальную державу», подчеркивая то, что она является точкой «пересечения и сопряжения нескольких регионов», и это, как считает Лерна Янык, наделяет ее «исключительным потенциалом для мировой политики» [Yanik, 2011: 80]. В то же время можно встретить и характеристики Турции как страны «около БРИКС» (*near-BRICS power*), которая придерживается проактивной и независимой внешней политики с четко обозначенной целью играть роль ведущей региональной державы [Öniş, Kutlay, 2013].

Иными словами, пограничное, перекрестное геополитическое положение Турции вкупе с множественной региональной иден-

тичностью не обязательно рассматривать в качестве проблемы или фундаментального недостатка, поскольку в нем кроются очевидные преимущества и потенциальные возможности для более гибкой внешнеполитической ориентации [Altunışık, 2014: 125–142]. Не принадлежа ни к одному конкретному региональному комплексу безопасности, но имея схожие с государствами Ближнего Востока культурно-идеологические, геополитические и военно-стратегические характеристики, Турция потенциально находится в более выгодном положении по сравнению с другими странами региона и располагает значительными возможностями для того, чтобы стать региональным лидером.

Для реализации этого потенциала в 2000-е годы Анкара перешла от позиции стороннего наблюдателя ближневосточной политики, которая зиждилась на кемалистской формуле благородного невмешательства («мир внутри страны — мир во всем мире»)¹¹, к роли ее активного участника. Особенно рельефно это проявилось в экономической сфере: высокие показатели экономического роста на протяжении большей части 2000-х и начала 2010-х годов конвертировались в углубление связей со странами Ближнего Востока и их экономической и политической привязанности к Турции. Таким образом, выйдя из положения страны, «изолированной» от Ближнего Востока, Турция в 2000–2010-е годы в полной мере обрела статус регионального центра силы.

В основе стремлений Анкары выступать в роли регионального лидера в 2000–2010-е годы лежит ряд факторов структурного характера. Во-первых, благоприятная внутривнутриполитическая конъюнктура 2000-х годов: высокие показатели экономического роста, благополучный выход из финансового кризиса конца 1990-х годов, повышение благосостояния граждан (за годы правления ПСР турецкая экономика демонстрировала поразительные цифры ежегодного роста — от 5 до 9,5%, а также стабильное поступательное увеличение душевого дохода населения), укрепление позиций Турции на мировой арене (членство в G20, 17-я позиция

¹¹ Впервые эта фраза прозвучала в выступлении Мустафы Кемаля (Ататюрка) в 1931 г. во время его поездки по Анатолии. Так он сформулировал суть политики Народно-республиканской партии. См. подробнее: Atatürk M.K. Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. Cilt IV. Atatürk'ün Tamim, Telgraf ve Beyanmaları (1917–1938). Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 1991. S. 549–552. Впоследствии эта сентенция вошла в текст Конституции Турецкой Республики и до сих пор фигурирует в официальной концепции внешней политики, опубликованной на сайте турецкого МИД: Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa> (accessed: 10.08.2019).

в рейтинге крупнейших экономик мира) и, как следствие, привлекательность для соседних стран¹² — всё это в совокупности формировало имидж Турции как показательного примера успешной политики для других государств региона, что в свою очередь подогревало стремление Анкары занять положение лидера на Ближнем Востоке [Shlykov, 2018]. Действительно, в 2000-е годы Турция, подобно странам БРИКС, формировала зону высоких показателей макроэкономического роста, что приковывало к ней внимание как близлежащих государств, так и западных стран [Bank, Karadağ, 2012: 5]. Во-вторых, экономические успехи Турции резко повысили ее торгово-экономический потенциал на региональном уровне, сформировался целый кластер турецкого бизнеса, ориентированного на развитие экономических отношений с Ближним Востоком. Совокупный объем товарооборота Турции с ближневосточными странами в 2010-е годы вырос на 25%, достигнув почти 56,5 млрд долл. в год, три четверти которых приходятся на торговлю с Ираком, ОАЭ, Саудовской Аравией и Катаром¹³. Выступая в роли «государства-коммерсанта», как ее метко охарактеризовал Кемаль Киришчи [Kirişçi, 2009: 33], Турция смогла конвертировать плоды экономического развития в мощный инструмент «мягкой силы», с помощью которого наращивала симпатии к себе со стороны ближневосточных соседей [Dinçer, Kutlay, 2012]. При этом позитивное развитие отношений Анкары с ЕС, успехи в переговорном процессе с Брюсселем в первой половине 2000-х годов и прогресс в проведении реформ по демократизации способствовали формированию ощущения наличия у Турции серьезного потенциала влияния на региональные политические процессы.

¹² После публичной ссоры Реджепа Эрдогана с израильским премьером Шимоном Пересом на Давосском форуме 2009 г. и резкой критики политики Тель-Авива Эрдоган стал подлинным героем «арабской улицы»: опросы общественного мнения показывали, что значительная часть населения арабских стран хотела, чтобы их лидеры брали с него пример: Annual Arab public opinion survey 2011 // Anwar Sadat Chair for Peace and Development. University of Maryland. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/1121_arab_public_opinion.pdf (accessed: 10.08.2019).

¹³ Turkey's trade with Middle East, Gulf gains momentum despite crisis, soars over 22 percent // Daily Sabah. 27.04.2018. Available at: <https://www.dailysabah.com/economy/2018/04/28/turkeys-trade-with-middle-east-gulf-gains-momentum-despite-crisis-soars-over-22-percent> (accessed: 10.08.2019); Turkey's trade with Middle East // Hürriyet Daily News. 15.04.2019. Available at: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkeys-trade-with-middle-east-surpasses-40-billion-142666> (accessed: 10.08.2019).

Политико-идеологическая ориентация правящего в Турции режима ПСР, его приверженность исламским ценностям привели к тому, что значение Ближнего Востока на шкале внешнеполитических приоритетов Анкары резко возросло. Неслучайно в конце 2000-х годов это выразилось в показательных демаршах в отношении Израиля и ряде аналогичных эпизодов накануне «арабской весны». В риторике турецкого руководства рост активности на ближневосточном направлении объяснялся тем, что Анкара стала «ведущей региональной державой, деятельность которой направлена на поддержание мира и процветания региона, стабильности и безопасности <...> помощи в создании регионального порядка, основанного на долговременной стабильности и поступательном развитии»¹⁴.

С уменьшением влияния военной элиты на внутри- и внешнеполитические процессы в Турции в 2000-е годы [Шлыков, 2011: 31–40] инструментарий реализации внешней политики одновременно расширился, обогатившись новыми технологиями и подходами, и «смягчился» за счет широкого применения методов «мягкой силы» и отказа от упования исключительно на военный потенциал [Lagabee, 2010]. Эти процессы выразились в повышении активности Анкары в программах и проектах международной помощи, инициативах в вопросах урегулирования международных конфликтов (по ядерной программе Ирана, ближневосточному урегулированию) и т.д.

Примечательно, что политика «турецкого глобализма» отражала не только амбиции регионального лидера, но и приверженность принципу многосторонних отношений [Bayer, Keuman, 2012: 75]. Избрание Экмеледдина Ихсаноглу на пост генерального секретаря Организации исламского сотрудничества (ОИС) в декабре 2004 г. и назначение Хюсейна Дириоза заместителем генсека НАТО по вопросам безопасности в октябре 2010 г. прямо свидетельствовали о стремлении Турции принять на себя одну из ведущих ролей в международных организациях. Причем турецкие власти прилагали усилия к максимальному расширению географии политического участия Анкары в международных структурах. В 2005 г. Турция добилась статуса страны-наблюдателя в Африканском союзе и ЛАГ, в 2008 г. стала стратегическим

¹⁴Turkey's enterprising and humanitarian foreign policy // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> (accessed: 10.08.2019).

диалоговым партнером ССАГПЗ, а также подписала в 2010 г. с участниками Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) договор о дружбе и сотрудничестве и в 2011 г. подала заявку на получение статуса диалогового партнера Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В 2000-е годы интерес к международным организациям и участию Турции в их работе обрел новое измерение: многосторонние институты стали рассматриваться турецким истеблишментом не просто как инструмент обеспечения национальной безопасности и включенности в международную повестку дня, но главным образом как способ наращивания своего веса и влияния на региональном уровне [Coşkun, Ediğ, 2012]. В ряду многосторонних международных организаций, которые в 2000–2010-е годы Турция активно использовала в конкурентной борьбе за региональное лидерство, особую роль играла платформа ООН. Турецкие политики открыто декларировали готовность использовать все доступные инструменты для превращения страны в региональный центр силы и ведущего игрока ключевых международных организаций, выдвигая экстравагантные идеи переноса в Стамбул штаб-квартиры ООН¹⁵ или формирования ближневосточного аналога Шенгенской зоны. «У Европы есть Шенген, а мы создаем Sham-gen [Шам–Левант. — *П.Ш.*]», — говорил в свое время Р.Т. Эрдоган [Kirişci, Kartanoğlu, 2011].

Активная деятельность турецкой дипломатии в период пребывания страны в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2009–2010 гг. и стремление вновь обрести этот статус в 2015–2016 гг. рельефно продемонстрировали, с одной стороны, всё возрастающее внимание Анкары к многосторонним институтам и международным организациям как эффективным инструментам обеспечения регионального доминирования, с другой — желание утвердиться в роли влиятельного игрока в рамках ООН. Пример этой организации крайне показателен с точки зрения того, каким образом и в каких масштабах в 2000–2010-е годы Турция использовала международные структуры для достижения базовых целей обеспечения своего регионального лидерства.

¹⁵Istanbul should be center of UN: President Erdoğan // *Hürriyet Daily News*. 25.10.2016. Available at: <http://www.hurriyetdailynews.com/istanbul-should-be-center-of-un-president-erdogan-105336> (accessed: 10.08.2019).

Анкара не упускала малейшей возможности инициировать рассмотрение резолюций по узловым проблемам Ближнего Востока (палестино-израильскому конфликту, иранской ядерной программе и т.д.), проводила на своей территории масштабные конференции ООН и в целом прибегала ко всем доступным механизмам в рамках этой организации. Параллельно с этим в 2000-е годы Турция запустила масштабные международные проекты. В 2005 г. главы правительств Турции и Испании объявили о создании Альянса цивилизаций, который впоследствии при поддержке генсека ООН вошел в число ее инициатив¹⁶. В 2010 г. Турция совместно с Финляндией стала осуществлять проект по международному посредничеству в урегулировании конфликтов [Agas, 2012]. Активность Анкары на площадках ООН и в организации ее мероприятий в 2000-е годы получила высокую оценку руководства этой международной структуры. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун охарактеризовал Турцию как «государство, принявшее на себя ведущую роль в решении широкого спектра международных проблем — как миротворческих, так и международно-политических, заслужив право голоса по самым острым вопросам мировой политики»¹⁷.

Благодаря такой поддержке в 2000–2010-е годы Турция добилась негласного права принимать ключевые мероприятия ООН по ближневосточной тематике: в 2012 г. в Стамбуле прошли переговоры по иранской ядерной программе с участием постоянных членов Совета Безопасности¹⁸, в 2010 г. — конференция по оказанию помощи населению Палестины¹⁹, в 2011 г. — еще одна масштабная конференция по палестино-израильской проблеме²⁰. В мае 2011 г. на исторической 4-й конференции ООН по

¹⁶ United Nations Alliance of Civilizations (UNAOC). Available at: <https://www.unaoc.org/who-we-are/> (accessed: 10.08.2019).

¹⁷ Ban arrives in Turkey to attend international summit on Somalia // UN News. 21.05.2010. Available at: <https://news.un.org/en/story/2010/05/339272-ban-arrives-turkey-attend-international-summit-somalia> (accessed: 10.08.2019).

¹⁸ Borger J. Iranian nuclear talks open in Istanbul // The Guardian. 14.04.2012. Available at <https://www.theguardian.com/world/julian-borger-global-security-blog/2012/apr/14/iran-nuclear-weapons> (accessed: 10.08.2019).

¹⁹ International Meeting on Israeli-Palestinian Peace Process opens in Istanbul spotlights path to ending occupation, building viable Palestinian State // United Nations. 2010. Available at: <https://www.un.org/press/en/2010/gapa1163.doc.htm> (accessed: 10.08.2019).

²⁰ Press release regarding the ‘Palestinian Ambassadors’ Conference’ to be held in Istanbul on 23–24 July 2011 // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs.

развивающимся странам А. Давутоглу, занимавший тогда пост министра иностранных дел, заявил о планах Турции превратить Стамбул в «главный центр ООН по проведению переговоров по урегулированию международных проблем»²¹. И действительно, в 2010-е годы наиболее масштабные ооновские мероприятия состоялись в турецкой столице: в апреле 2012 г. там прошли переговоры между представителями Ирана и «шестерки» международных посредников²², в мае 2014 г. — международная встреча по вопросу статуса Иерусалима²³, а в 2016 г. — первый в истории ООН Всемирный гуманитарный форум²⁴.

Однако рост внутривосточной напряженности в Турции способствовал тому, что страна, несмотря на все усилия, не смогла получить право на проведение ряда престижных международных мероприятий в середине 2010-х годов. Так, в 2013 г. на фоне массовых протестов «защитников парка Гези» Измиру отказали в возможности принять Экспо-2020. В это же время Турцию не включили в число наиболее перспективных рынков БРИКС в силу ограниченности ее финансово-экономического потенциала [Robins, 2014: 330]. В 2014 г. Анкаре не удалось добиться права вновь войти в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Ее заявка не получила необходимой поддержки, несмотря на все усилия турецкой делегации и убедительные речи А. Давутоглу о том, что «из 10 вопросов, обсуждаемых Совбезом, как минимум 8 или 9 напрямую касаются Турции <...> и Турция тем или иным образом могла бы сыграть позитивную роль в их решении <...> десять лет назад все было по-другому, а сейчас Турция

20.07.2011. No. 168. Available at: http://www.mfa.gov.tr/no_168_-20-july-2011_-press-release-regarding-the-_palestinian-ambassadors_-conference_-to-be-held-in-istanbul-on-23-24-july-2011.en.mfa (accessed: 10.08.2019).

²¹ Istanbul set to become regional hub for United Nations // Daily Sabah. 01.12.2014. Available at: <https://www.dailysabah.com/turkey/2014/12/01/istanbul-set-to-become-regional-hub-for-united-nations> (accessed: 10.08.2019).

²² New round of talks on Iran's nuclear program between Iran and P5+1 countries was held in Istanbul // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/new-round-of-talks-on-irans-nuclear-program-between-iran-and-p5-countries-was-held-in-istanbul.en.mfa> (accessed: 10.08.2019).

²³ International meeting on the question of Jerusalem kicks off in Ankara // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/international-meeting-on-the-question-of-jerusalem-kicks-off-in-ankara.en.mfa> (accessed: 10.08.2019).

²⁴ World Humanitarian Summit. Available at: <https://www.agendaforhumanity.org/summit> (accessed: 10.08.2019).

хочет играть более весомую роль в ООН»²⁵. На голосовании в Генеральной Ассамблее из 192 стран заявку Анкары поддержали лишь 60, что резко контрастировало с результатом 2008 г., когда за Турцию проголосовало 151 государство²⁶.

Более того, против Турции выступили многие ближневосточные страны. Особенно активны в этом плане были представители Египта и Саудовской Аравии, что отражало рост негативного отношения к региональной политике Анкары на Ближнем Востоке в 2010-е годы [Idiz, 2014]. С 2013 г., когда в Египте в ходе военного переворота был свергнут президент Мухаммед Мурси (первый в истории страны законно избранный глава государства), турецко-египетские отношения пошли по нисходящей. Поскольку в начале 2010-х годов ПСР установила тесные контакты с египетскими «Братьями-мусульманами», Турция официально не признала правительство военных, пришедшее к власти в результате переворота, и не стала налаживать отношения с новым режимом в Каире. Разлад между странами непосредственно отразился и на сотрудничестве Турции с Саудовской Аравией, поддержавшей нового египетского президента А.Ф. ас-Сиси. Создававшаяся в середине 2010-х годов напряженность между Турцией и Египтом, с одной стороны, контрастировала с ситуацией 2000-х годов, с другой — вызывала реминисценции 1950-х годов и аналогичную атмосферу крайне натянутых отношений между режимом Гамаль Абдель Насера и правительством Турции.

Еще больший урон влиянию Анкары на Ближнем Востоке был нанесен неоднозначным участием Турции в разразившейся весной 2011 г. гражданской войне в Сирии. Призывы турецких

²⁵ Speech entitled 'Vision 2023: Turkey's Foreign Policy Objectives' delivered by H.E. Ahmet Davutoğlu. London, 22.11.2011. Ankara // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: http://www.mfa.gov.tr/speech-entitled-_vision-2023-_turkey_s-foreign-policy-objectives_-_delivered-by-h_e_-ahmet-davutoglu_-_minister-of-foreign-af.en.mfa (accessed: 10.08.2019).

²⁶ Триумфальному голосованию 2008 г. предшествовала масштабная подготовка. Для получения необходимых голосов стран — членов ООН Абдуллах Гюль, возглавлявший турецкий МИД в 2003—2007 гг., и его преемник Али Бабаджан (2007—2009) провели переговоры и заручились поддержкой более 150 государств. Кроме того, правительство Турции инициировало открытие небывалого количества дипломатических представительств в Африке и регионах, ранее не входивших в сферу внешнеполитической активности Анкары. Помимо налаживания новых каналов дипломатических отношений была запущена масштабная программа помощи развивающимся странам в Африке и АТР.

политиков к свержению сирийского президента Башара Асада²⁷, малоэффективные усилия по созданию сирийской оппозиции и антиправительственных сил, поддержка планов международной интервенции в Сирии, а также проблема сирийских беженцев — всё это отчетливо показало ограниченность ресурсов и возможностей Турции по урегулированию самых острых проблем региона [Doğan, 2012]. Эмоциональная критика египетского президента А.Ф. ас-Сиси со стороны турецкого лидера Р.Т. Эрдогана только способствовала дальнейшей деградации потенциала регионального лидерства Турции и ее возможностей влиять на ситуацию на Ближнем Востоке [Öniş, 2014].

Аналогичные процессы проявились и в рамках международных организаций. Авторитет Турции в структурах ООН ощутимо снизился на фоне обострения внутривосточной ситуации — массовых протестов 2013 г., сворачивания реформ по демократизации, введения ограничений на базовые политические свободы и т.д.

В 2010-е годы с ростом нестабильности на Ближнем Востоке Турция продолжила политику выстраивания регионального порядка в соответствии со своими интересами, позиционируя себя в отношениях со странами региона в большей степени как лидер, а не партнер [Ayata, 2015: 97; Cook, Ibish, 2017: 3]. Ближневосточная политика Анкары, относительно успешная в 2000-е годы, когда Турция представлялась островком стабильности и моделью демократического исламского государства, в 2010-е годы имела крайне неоднозначные последствия.

Монархии Персидского залива рассматривали Турцию в качестве потенциального союзника в борьбе с влиянием Ирана и усилением шиитских стран. Однако после государственного переворота в Египте в 2013 г., который Анкара не признала, что спровоцировало ухудшение отношений одновременно с Каиром

²⁷ Erdoğan: Esad'a halkı da inanmıyor, biz de // BBC Turkey. 14.09.2011. Available at: https://www.bbc.com/turkce/haberler/2011/09/110914_erdogan_syria (accessed: 10.08.2019); Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan 'Esad' açıklaması // Hurriyet. 24.09.2015. Available at: <http://www.hurriyet.com.tr/dunya/cumhurbaskani-erdogandan-esad-aciklamasi-30154366> (accessed: 10.08.2019); Cumhurbaşkanı Erdoğan: Esad bir terrorist // Hurriyet. 27.12.2017. Available at: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/son-dakika-cumhurbaskani-erdogan-esad-bir-terorist-40691792> (accessed: 10.08.2019); Turkey entered Syria to end al-Assad's rule: President Erdoğan // Hurriyet Daily News. 29.11.2016. Available at: <http://www.hurriyetaidailynews.com/turkey-entered-syria-to-end-al-assads-rule-president-erdogan-106709> (accessed: 10.08.2019).

и Эр-Риядом, ситуация повернулась на 180 градусов. Саудовская Аравия и ОАЭ решили наказать Турцию, устроив обструкцию ее дипломатическим инициативам и заморозив масштабные инвестиционные проекты в стране [Cook, Ibish, 2017: 5, 8].

Осложнение ситуации на Ближнем Востоке и рост негативных для Анкары тенденций способствовали осознанию политическим руководством Турции ограниченности потенциала влияния на региональные процессы. Пример Сирии, где турецкая политика отличалась ситуативностью и часто непоследовательностью, вызванной стремительно меняющейся конъюнктурой, очень показателен. Здесь рельефно проявилась негативная закономерность: чрезмерная активность Турции на сирийском направлении вызывала дополнительные риски национальной безопасности, но не вела к усилению страны в роли ключевого игрока в регионе и решению сирийской проблемы [Öniş, 2014: 211, 214].

Обострение конкурентного противостояния за влияние на ближневосточные процессы способствовало сближению Турции с Ираном в 2010-е годы. С одной стороны, эти страны нельзя назвать естественными союзниками, но с другой — очевидны совпадение ряда приоритетов в региональной политике и определенная общность взглядов на параметры выстраиваемого регионального порядка (по крайней мере, гораздо большее сходство в подходах, чем у Турции с Саудовской Аравией или Израилем). Отправная точка желаемого регионального порядка для Анкары — нахождение в его центре в качестве организующей и структурирующей силы Турции, а не США или любой другой нерегиональной державы. И в этом есть сходство с концептом справедливого регионального порядка без внешнего доминирования, которого придерживается Иран, по крайней мере в стремлении Турции к отстаиванию собственных интересов безотносительно их соответствия или несоответствия пожеланиям глобальных игроков — США, ЕС, России или Китая.

В целом в «повороте на Восток» внешней политики Турции достаточно рельефно проявилась идейно-политическая составляющая, поскольку он изначально опирался не только на развитие взаимовыгодного сотрудничества в сфере экономики, но также на цивилизационно-культурную близость и общее мусульманское происхождение, которое и должно было стать залогом укрепления политических связей («цивилизационная геополитика») [Pınar, 2004]. Примечательно, что аналогичные по

своей сути подходы были характерны для политики Анкары на центральноазиатском направлении в начале 1990-х годов, когда руководство страны всерьез говорило о создании Тюркского мира «от Адриатического моря до Великой китайской стены» [Шлыков, 2017: 60]. В трансформировавшемся виде эти идеи вернулись в повестку дня турецкой внешней политики в середине 2000-х годов, но объектом выступало уже ближневосточное, а не постсоветское пространство. По времени это совпало с еще одним важным процессом в политической жизни Турции — кризисом в отношениях с ЕС, переговоры с которым о вступлении фактически зашли в тупик. Большинство граждан Турции всё более скептически стали оценивать перспективы и выгоды от вступления в Евросоюз [Европейский союз в поиске глобальной роли, 2015: 240–265], а руководство страны приняло решение спустить на тормозах процесс евроинтеграции [Larrabee, 2010: 173] и сделать упор на национализм нового порядка — причудливое сочетание традиционных идеологических концептов пантюркизма, панисламизма и паносманизма в новой глобалистской оправе. Это выразилось в попытке капитализировать культурно-историческую близость в отношении Ближнего Востока, Центральной Азии и Балкан, в которой некоторые даже увидели стремление возродить Османскую империю [Sözen, 2010: 108]. «Стратегическая глубина» Турции, по выражению А. Давутоглу [Davutoglu, 2008], должна была обеспечить ее «центральное влияние» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в Центральной Азии и на Южном Кавказе, в Восточной и Западной Азии.

Негативная для Турции динамика развития событий на Ближнем Востоке в 2010-е годы (в Египте, Сирии и др.) привела к тому, что активность Анкары в делах региона стала вызывать больше раздражения, чем поддержки со стороны других региональных держав, которые все чаще начали называть Турцию «новым империалистом»²⁸. Наиболее ярко это проявилось в изменившемся отношении к Анкаре у Саудовской Аравии и ОАЭ, которые в росте влияния Турции увидели угрозу своим интересам [Pala, Aras, 2015]. Неслучайно во время Катарского кризиса 2017 г. правительство Турции безоговорочно встало на сторону

²⁸ Waldman S.A. Balfour is history. The Middle East's new imperialists are Turkey and Iran // Haaretz. 01.11.2017. Available at: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-the-middle-east-s-new-imperialists-are-turkey-and-iran-1.5462045> (accessed: 10.08.2019).

Дохи, одновременно открыв линию поставок продовольствия в блокадный Катар и усилив свое военное присутствие в зоне Персидского залива за счет создания военных баз на территории эмирата. Весной 2018 г. Турция в дополнение к уже существующей сухопутной военной базе в Катаре договорилась с Дохой о создании военно-морской базы на севере страны²⁹. Нарастание военно-политического присутствия в регионе достигло немыслимых ранее масштабов. Военные вторжения на территорию Ирака (2008, 2015) и Сирии (2016, 2017, 2018), масштабные проекты по строительству военных баз в Персидском заливе и в Африке, наличие многочисленных очагов военного присутствия в Ираке и на севере Сирии [Sagnic, 2016] и амбициозные планы по разработке авианесущего крейсера для расширения боевых возможностей в Красном море и Индийском океане создали ощущение зарождения новой региональной стратегии Турции, воплощающей идеи превращения ее в государство, которое определяет характер «региональной подсистемы» международных отношений на Ближнем Востоке [Shlykov, 2018].

* * *

В последние два десятилетия на Ближнем Востоке наблюдается качественно новая международная ситуация, заключающаяся в становлении конкурентной полицентричности. На фоне относительного снижения американского влияния и его структурной трансформации на лидерство в регионе претендуют Турция, Иран, Израиль и Саудовская Аравия. Однако подобная полицентричность не приводит к формированию устойчивого баланса сил, поскольку объектом приложения конкурентной борьбы перечисленных держав становятся в первую очередь страны, столкнувшиеся с кризисом государственности.

Турция, которая большую часть своей республиканской истории позиционировала себя европейской страной, выступающей благодаря своему географическому положению естественным «мостом» между Европой и Азией, в 2000-е годы активно включилась в борьбу за влияние на Ближнем Востоке. С приходом к власти ПСР базовые концепции внешней политики подвер-

²⁹ Qatar signs Turkey naval military base agreement // Middle East Monitor (MEMO). 14.03.2018. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20180314-qatar-signs-turkey-naval-military-base-agreement/> (accessed: 10.08.2019).

лись ревизии, в результате чего появился сформулированный А. Давутоглу концепт Турции как «центральной державы», а к регионам приоритетных интересов (Центральная Азия, Кавказ) добавился Ближний Восток, где Анкара предполагала взять на себя роль силы, определяющей региональный порядок. Впечатляющий экономический рост в Турции в 2000-е годы и широкая поддержка населения способствовали повышению внешнеполитической активности Анкары на региональном уровне. Успехи турецкого бизнеса в сочетании с масштабной интернационализацией турецкого капитала выступили главными драйверами экспансии Турции в страны Ближнего Востока и Северной Африки. Инструментами наращивания турецкого влияния в регионе стали инициативы в международных организациях (ООН, ОИС и др.), посредством которых Анкара пыталась закрепить за собой роль ключевой площадки для выработки решений региональных проблем.

Ближневосточная политика Турции, относительно успешная в 2000-е годы, когда страна представлялась островком стабильности и моделью демократического исламского государства, в 2010-е годы имела крайне неоднозначные последствия. К концу десятилетия проявились и явные противоречия, продуцируемые ростом региональных амбиций Анкары. В результате в настоящее время можно говорить о том, что Турция становится еще одним игроком, который усиливает, а не сглаживает конкурентный характер полицентричности на Ближнем Востоке.

Расчет Турции на успешную конвертацию накопленного в 2000-е годы позитивного потенциала «мягкой силы» и поддержки со стороны значительной части населения стран региона в базис эффективной политики наращивания регионального лидерства после «арабской весны» по многим параметрам не оправдался. Непредсказуемые по своей динамике и ходу развития события 2010-х годов отчетливо показали ограниченность возможностей турецкого правительства влиять на ближневосточные процессы, негативное воздействие которых напрямую отражается на самой Турции — ее внутривнутриполитической ситуации. И в этом смысле пример Турции крайне показателен и интересен в научно-теоретическом плане, поскольку дает свой вариант ответа на вопрос о пределах возможного влияния региональной державы на нестабильный и меняющийся региональный порядок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армии и безопасность на Ближнем Востоке и в Северной Африке / Под ред. Р.Ш. Мамедова, Т.А. Махмутова, О. Пыловой. М.: РСМД, 2019.
2. Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012.
3. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / Отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018.
4. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
5. Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель, 2015.
6. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015.
7. Звягельская И. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014.
8. Карасова Т.А. Израиль и некоторые итоги «арабской весны» // Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 486–499.
9. Косач Г.Г. Саудовская Аравия // Ближний Восток, «Арабское пробуждение» и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. С. 356–376.
10. Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.
11. Тренин Д.В. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы. Московский центр Карнеги. 2016. Доступ: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388> (дата обращения: 10.08.2019).
12. Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М.: Ключ-С, 2011. С. 31–60.
13. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58–77. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.
14. Abdo G. The new sectarianism: The Arab uprisings and the rebirth of the Shi'a-Sunni divide. Center for Middle East Policy Analysis. Paper No. 29. Washington, D.C.: Brookings Institution, 2013. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-new-sectarianism-the-arab-uprisings-and-the-rebirth-of-the-shia-sunni-divide/> (accessed: 10.08.2019).
15. Abdo G. The new sectarianism: The Arab uprisings and the rebirth of the Shi'a-Sunni divide. Oxford: Oxford University Press, 2016.
16. Altunışık M.B. Turkey's return to the Middle East // Regional powers in the Middle East. New constellations after the Arab revolts / Ed. by H. Fürtig. New York: Palgrave, 2014. P. 123–144.
17. Amour P.O. Israel, the Arab Spring, and the unfolding regional order in the Middle East: A strategic assessment // British Journal of Middle Eastern Studies. 2017. Vol. 44. No. 3. P. 293–309. DOI: 10.1080/13530194.2016.1185696.

18. Andersen L.E., Jiang Y. Is China challenging the US in the Persian Gulf? Danish Institute for International Studies Report. 2014. No. 29. Available at: https://www.diis.dk/files/media/documents/publications/diis_report_29_web.pdf (accessed: 10.08.2019).
19. Aras B. Turkey's mediation and friends of mediation initiative. Center for Strategic Research Papers. 2012. No. 4. Available at: <http://sam.gov.tr/turkeys-mediation-and-friends-of-mediation-initiative/> (accessed: 10.08.2019).
20. Arin K.Y. The AKP's foreign policy. Turkey's reorientation from the West to the East? Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013.
21. Ayata B. Turkish foreign policy in a changing Arab world: Rise and fall of a regional actor? // Journal of European Integration. 2015. Vol. 37. No. 1. P. 95–112. DOI: 10.1080/07036337.2014.975991.
22. Ayres A. Continuity and change: The Trump administration's South Asia policies. Council on Foreign Relations. 2019. Available at: <https://www.cfr.org/blog/continuity-and-change-trump-administrations-south-asia-policies> (accessed: 10.08.2019).
23. Bank A., Karadağ R. The political economy of regional power: Turkey under the AKP. German Institute of Global and Area Studies. GIGA Working Papers. 2012. No. 204. Available at: https://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/wp204_bank-karadag.pdf (accessed: 10.08.2019).
24. Bayer R., Keyman E.F. Turkey: An emerging hub of globalization and internationalist humanitarian actor? // Globalization. 2012. Vol. 9. No. 1. P. 73–90. DOI: 10.1080/14747731.2012.627721.
25. Berti B. Saudi brinkmanship in Lebanon. Carnegie Endowment for International Peace. 2016. Available at: <https://carnegieendowment.org/sada/63111> (accessed: 10.08.2019).
26. Buzan B., Waver O. Regions and powers: The structure of international security. London: Cambridge University Press, 2004.
27. Calabrese J. China and the Persian Gulf: Energy and security // The Middle East Journal. 1998. Vol. 52. No. 3. P. 351–366.
28. Cook S.A., Ibish H. Turkey and the GCC: Cooperation amid diverging interests. The Arab Gulf States Institute in Washington. 2017. Issue Paper No. 1. Available at: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2017/02/GCCTurkey_ONLINE-2.pdf (accessed: 10.08.2019).
29. Coşkun B.B., Ediğ H.H. Uluslararası Örgütler ve Dış Politika: Türkiye'nin Uluslararası Örgütlerde Artan Görünürlüğü [International organizations and foreign policy: The rising visibility of Turkey in the international organizations] // Dış Politika Analizinde Teorik Yaklaşımlar: Türk Dış Politikası Örneği [Theoretic approaches towards foreign politics: The case of Turkish foreign politics] / Ed. by E. Efegil, M. Erol. Ankara: Barış Kitap, 2012. S. 325–346. (In Turkish.)
30. Darwich M. The ontological (in)security of similarity: Wahhabism versus Islamism in Saudi foreign policy. German Institute of Global Area Studies. GIGA Working Paper. 2014. No. 263. Available at: <https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp-263-online.pdf> (accessed: 10.08.2019).
31. Davutoglu A. Turkey's foreign policy vision: An assessment of 2007 // Insight Turkey. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 77–96.
32. Demmelhuber T., Kaunert C. The EU and the Gulf monarchies: Normative power Europe in search of a strategy for engagement // Cambridge Review of International Affairs. 2014. Vol. 27. No. 3. P. 574–592. DOI: 10.1080/09557571.2013.855168.

33. Dinçer O.B., Kutlay M. Turkey's power capacity in the Middle East: Limits of the possible. USAK Center for Middle Eastern and African Studies. 2012. Available at: <https://www.pomed.org/wp-content/uploads/2012/06/Turkeys-Power-Capacity-in-the-Middle-East.pdf> (accessed: 10.08.2019).
34. Doğan E. A test for Turkey's foreign policy: The Syrian crisis. TESEV. 2012. Available at: http://tese.org.tr/wp-content/uploads/2015/11/A_Test_For_Turkeys_Foreign_Policy_The_Syria_Crisis.pdf (accessed: 10.08.2019).
35. Evron Y. China's diplomatic initiatives in the Middle East: The quest for a greater-power role in the region // *International Relations*. 2015. Vol. 31. No. 2. P. 125–144. DOI: 10.1177/0047117815619664.
36. Feierstein G., Greathead C. The fight for Africa: The new focus of the Saudi-Iranian rivalry. *Middle East Institute Policy Focus*. 2017. No. 2. Available at: https://www.mei.edu/sites/default/files/publications/PF2_Feierstein_AfricaSaudiIran_web_4.pdf (accessed: 10.08.2019).
37. *Foreign policies of Middle East states* / Ed. by R. Hinnebusch, A. Ehteshami. Boulder: Lynne Rienner, 2014.
38. Fuller G.E. *The new Turkish Republic: Turkey as a pivotal state in the Muslim world*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2007.
39. Gause F.G. The foreign policy of Saudi Arabia // *Foreign policies of Middle East states* / Ed. by R. Hinnebusch, A. Ehteshami. Boulder: Lynne Rienner, 2014. P. 185–206.
40. Gerges F. The Obama approach to the Middle East: The end of America's moment? // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. No. 2. P. 299–323.
41. Goldberg J. The Obama doctrine // *The Atlantic*. 2016 April. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (accessed: 10.08.2019).
42. Herzog M., Robins P. *The role, position and agency of cusp states in international relations*. London: Routledge, 2014.
43. Hinnebusch R. The Arab uprising and regional power struggle // *Routledge handbook of international relations in the Middle East* / Ed. by S. Akbarzadeh. New York: Routledge, 2019. P. 110–125.
44. Hinnebusch R. The Middle East regional system // *Foreign policies of Middle East states*. Boulder: Lynne Rienner, 2014. P. 35–74.
45. Hinnebusch R., Shama N. The foreign policy of Egypt // *Foreign policies of Middle East states* / Ed. by R. Hinnebusch, A. Ehteshami. Boulder: Lynne Rienner, 2014. P. 75–104.
46. Hudson M.C. *The United States in the Middle East* // *International relations of the Middle East*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 356–389.
47. Hughes L., Long A. Is there an oil weapon? Security implication of changes in the structure of the international oil market // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 152–189. DOI: 10.1162/ISEC_a_00188.
48. İdiz S. UN vote confirms Turkey's waning influence // *Al-Monitor*. 17.10.2014. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/10/turkey-united-nations-security-council-vote.html> (accessed: 10.08.2019).
49. Jones C. The foreign policy of Israel // *Foreign policies of Middle East states* / Ed. by R. Hinnebusch, A. Ehteshami. Boulder: Lynne Rienner, 2014. P. 289–314.
50. Kausch K. Competitive multipolarity in the Middle East // *The International Spectator*. 2015. Vol. 50. No. 3. P. 1–15. DOI: 10.1080/03932729.2015.1055927.

51. Kechichian J. Trends in Saudi national security // *The Middle East Journal*. 1999. Vol. 53. No. 2. P. 232–253.
52. Keyman E.F., Sazak O. Turkey and Iran: The two modes of engagement in the Middle East // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. No. 3. P. 321–336. DOI: 10.1080/19448953.2015.1063803.
53. Kirişçi K. The transformation of Turkish foreign policy: The rise of the trading state // *New Perspectives on Turkey*. 2009. Vol. 40. P. 29–56. DOI: 10.1017/S0896634600005203.
54. Kirişçi K., Kaptanoğlu N. The politics of trade and Turkish foreign policy // *Middle Eastern Studies*. 2011. Vol. 47. No. 5. P. 705–724. DOI: 10.1080/00263206.2011.613226.
55. Larrabee S.F. Turkey's new geopolitics // *Survival*. 2010. Vol. 52. No. 2. P. 157–180. DOI: 10.1080/00396331003764686.
56. Manyin M.E. et al. Pivot to the Pacific? The Obama administration's 'rebalancing' toward Asia. Congressional Research Service. Washington, 2012. Available at: <http://www.fas.org/spp/crs/natsec/R42448.pdf> (accessed: 10.08.2019).
57. Maoz Z. *Defending the Holy Land: A critical analysis of Israel's security and foreign policy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009.
58. Mead W.R. The return of geopolitics: The revenge of the revisionist powers // *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93. No. 3. P. 69–79.
59. Meidan M., San A., Campbell R. *China: The 'new normal'*. Oxford: The Oxford Energy Institute, 2015. Available at: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2015/02/China-the-new-normal.pdf> (accessed: 10.08.2019).
60. Molavi A. China's global investments are declining everywhere except for one region. Three charts highlight Beijing's growing interest in the Middle East and North Africa // *Foreign Policy*. 2019. May 16. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/05/16/chinas-global-investments-are-declining-everywhere-except-for-one-region/> (accessed: 10.08.2019).
61. Öniş Z. Turkey and the Arab revolutions: Boundaries of regional power influence in a troubled Middle East // *Mediterranean Politics*. 2014. Vol. 19. No. 2. P. 203–219. DOI: 10.1080/13629395.2013.868392.
62. Öniş Z., Kutlay M. Rising powers in a changing global order: The political economy of Turkey in the age of BRICS // *Third World Quarterly*. 2013. Vol. 34. No. 8. P. 1409–1426. DOI: 10.1080/01436597.2013.831541.
63. Pala Ö., Aras B. Practical geopolitical reasoning in the Turkish and Qatari foreign policy in the Arab Spring // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. No. 3. P. 286–302. DOI: 10.1080/19448953.2015.1063274.
64. Pınar B. A return to 'civilizational geopolitics' in the Mediterranean? Changing geopolitical images of the European Union and Turkey in the post-Cold War era // *Geopolitics*. 2004. Vol. 9. No. 2. P. 269–291. DOI: 10.1080/14650040490442863.
65. Potter G. Israel's construction of Iran as an existential threat // *Journal of Palestine Studies*. 2015. Vol. 47. No. 1. P. 43–62. DOI: 10.1525/jps.2015.45.1.43.
66. Pressman J. Power without influence: The Bush administration's foreign policy failure in the Middle East // *International Security*. 2009. Vol. 33. No. 4. P. 149–179. DOI: 10.1162/isec.2009.33.4.149.
67. Rabinovich I. *Israel and the changing Middle East*. Brookings Middle East Memo. 2015. No. 34. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Israel-Rabinovich-01292015-1.pdf> (accessed: 10.08.2019).

68. Robins P. The 2005 BRISMES lecture: A double gravity state: Turkish foreign policy reconsidered // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 33. No. 2. P. 199–211. DOI: 10.1080/13530190600953351.
69. Robins P. The foreign policy of Turkey // *Foreign policies of Middle East states* / Ed. by R. Hinnebusch, A. Ehteshami. Boulder: Lynne Rienner, 2014. P. 315–338.
70. Sagnic C. Challenges to Turkey’s military deployments abroad. *TurkeyScope. Insights on Turkish Affairs*. 2016. No. 1. Available at: <https://dayan.org/content/challenges-turkey%E2%80%99s-military-deployments-abroad> (accessed: 10.08.2019).
71. Salem P. The Middle East: Evolution of a broken regional order. *Carnegie Papers*. 2008. No. 9. Available at: https://carnegieendowment.org/files/cmec9_salem_broken_order_final.pdf (accessed: 10.08.2019).
72. Salloukh B.F. Sect supreme // *Foreign Affairs*. 2014. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2014-07-14/sect-supreme> (accessed: 10.08.2019).
73. Shlykov P. The ‘Turkish model’ in historical perspective // *Russia in Global Affairs*. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 34–59.
74. Siniver A., Cabrera L. ‘Good citizen Europe’ and the Middle East peace process // *International Studies Perspective*. 2015. Vol. 16. P. 210–228. DOI: 10.1111/insp.12037.
75. Sözen A. A paradigm shift in Turkish foreign policy: Transition and challenges // *Turkish Studies*. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 103–123. DOI: 10.1080/14683841003747062.
76. Stein E. Historical sociology and Middle East international relations // *Routledge handbook of international relations in the Middle East* / Ed. by S. Akbarzadeh. New York: Routledge, 2019. P. 46–58.
77. Taşpınar Ö. Turkey’s Middle East policies: Between neo-Ottomanism and Kemalism. *Carnegie Endowment for International Peace*. 2008. Available at: <https://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=22209> (accessed: 10.08.2019).
78. Voller Y. From periphery to the moderates: Israeli identity and foreign policy in the Middle East // *Political Science Quarterly*. 2015. Vol. 130. No. 3. P. 505–535. DOI: 10.1002/polq.12360.
79. Volpi F. Islam, political Islam, and the state system // *Routledge handbook of international relations in the Middle East* / Ed. by S. Akbarzadeh. New York: Routledge, 2019. P. 69–81.
80. Yanık L. Constructing Turkish ‘exceptionalism’: Discourses of liminality and hybridity in post-Cold War Turkish foreign policy // *Political Geography*. 2011. Vol. 30. No. 2. P. 80–89. DOI: 10.1016/j.polgeo.2011.01.003.
81. Yavuz M.H. Turkish identity and foreign policy in flux: The rise of neo-Ottomanism // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. 1998. Vol. 7. No. 12. P. 19–41.
82. Youmans W.L. An unwilling client: How Hosni Mubarak’s Egypt defied the Bush administration’s ‘freedom agenda’ // *Cambridge Review of International Affairs*. 2016. Vol. 29. No. 4. P. 1209–1232. DOI: 10.1080/09557571.2015.1018137.

P.V. Shlykov

**COMPETITIVE MULTIPOLARITY IN THE MIDDLE EAST
AND THE TRANSFORMATION OF TURKEY'S
REGIONAL POLICIES IN THE 2000S AND 2010S**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper aims to decode the logic in the revisions of Turkey's regional policies during the 2000s and 2010s in respect to a wider context of the large-scale transformations in the Middle East and North Africa region. Methodologically the paper utilizes the concept of competitive multipolarity which allows to scrutinize the simultaneous manifestation, mutual entwinement and substantial opposition of the key trends in the development of the Middle East during the period under review. Against this background the paper examines the transformation processes in the Middle East on three interconnected levels — the global one, which reflects the alternations in the balance of power and the involvement patterns of the Global Powers in the Middle Eastern affairs; the regional one, which encompasses the relations between the main regional states; and the state level which allows to scrutinize the tangle interconnections between domestic and foreign policy imperatives of a particular Middle Eastern country. This analytical approach allowed to spotlight how both the relative decline of the American influence in the Middle East and the limited involvement in the regional developments of the EU, China and Russia contributed to the rising competitive interplay of the leading regional states with the regional leadership aspirations — namely Turkey, Iran, Israel and Saudi Arabia. However, this multipolarity did not result in a sustainable balance of power in the region because the acute competitive activity of the above mentioned regional powers has primarily focused on the states in deep political crisis or the ones which are almost failed states. In this respect the case of Turkey is of a special interest for the following reasons. Ankara's foreign policy in the 2000s and 2010s experienced large-scale transformations and pervasive changes. Partly abandoning its previous posture of a state deeply integrated in the Trans-Atlantic international relations and largely subordinated to the logic of these interrelations Turkey actively joined the struggle for the regional influence in the 2000s. Turkey's impressive economic growth and a wide popular support both domestically and abroad facilitated the rise of Ankara's foreign policy activities. The sound successes of Turkish business together with the large-scale internationalization of the Turkish capital have become the main drivers for Turkey's expansion in the Middle East and North Africa. Initially other regional actors perceived the increasing role of Turkey in the regional affairs more or less favorably. However, the end of the 2010s witnessed a number of international contradictions as a

result of Turkey's rising ambitions for regional hegemony. Consequently, Turkey now is turning out to become yet another regional power which is amplifying rather than smoothing away the destructive competitiveness of the Middle Eastern multipolarity.

Keywords: Middle East, Turkey, Iran, Saudi Arabia, Israel, Russia, the USA, the EU, competitive multipolarity, international organizations, multilateral institutions, regional order, regional security complex.

About the author: *Pavel V. Shlykov* — PhD (History), Associate Professor of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

Acknowledgments: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project №17-18-01614.

REFERENCES

1. Mamedov R., Makhmutov T., Pylova O. (eds.). 2019. *Armii i bezopasnost' na Blizhnem Vostoke i v Severnoi Afrike* [Armies and security in the Middle East and North Africa]. Moscow, RIAC Publ. (In Russ.)
2. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). 2012. *Blizhnii Vostok, 'Arabskoe probuzhdenie' i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, 'Arab awakening' and Russia: What's next?]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
3. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. (eds.). 2018. *Blizhnii Vostok v menyayushchetsya global'nom kontekste* [The Middle East in the changing global context]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
4. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij* [Essays on theory and methodology in political analysis of international relations]. Moscow, NOFMO Publ. (In Russ.)
5. Grinin L.E., Isaev L.M., Korotaev A.V. 2015. *Revolutsii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and instability in the Middle East]. Moscow, Uchitel' Publ. (In Russ.)
6. Gromyko A.I.A., Nosov M.G. (eds.). 2015. *Evropeiskii soyuz v poiske global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [European Union in search for global role: Politics, economy, security]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)
7. Zvyagel'skaya I. 2014. *Blizhnnevostochnyi klinch: konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii* [The Middle East clinch: Conflicts in the Middle East and the policy of Russia]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
8. Karasova T.A. 2012. Izrail' i nekotorye itogi 'arabskoi vesny' [Israel and some results of the 'Arab Spring']. In Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). *Blizhnii Vostok, 'Arabskoe probuzhdenie' i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, 'Arab awakening' and Russia: What's next?]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 486–499. (In Russ.)
9. Kosach G.G. 2012. Saudovskaya Araviya [Saudi Arabia]. In Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). *Blizhnii Vostok, 'Arabskoe probuzhdenie' i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, 'Arab awakening' and Russia: What's next?]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 356–376. (In Russ.)

10. Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds.) 2011. Rossiya v policentrichnom mire [Russia in polycentric world]. Moscow, Ves' Mir Publ. (In Russ.)
11. Trenin D.V. 2016. *Rossiya na Blizhnem Vostoke: zadachi, priority, politicheskie stimuly* [Russia in the Middle East: Aims, priorities, political incentives]. Moscow, Moscow Carnegie Center. Available at: <https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388> (accessed: 10.08.2019). (In Russ.)
12. Shlykov P.V. 2011. Voennaya elita v politicheskoi sisteme Turetskoi Respubliki [Military elite in political system of Turkey]. In Geveling L.V., Drugov A.Yu. (eds.) *Elity stran Vostoka* [Elites of the Oriental states]. Moscow, Kljuch-S Publ., pp. 31–60. (In Russ.)
13. Shlykov P.V. 2017. Evraziistvo i evraziiskaya integratsiya v politicheskoi ideologii i praktike Turtsii [Eurasia and Eurasian integration in the political ideology and practice of Turkey]. *Comparative Politics*, no. 1, pp. 58–77. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76. (In Russ.)
14. Abdo G. 2013. *The new sectarianism: The Arab uprisings and the rebirth of the Shi'a-Sunni divide*. Center for Middle East Policy Analysis. Paper No. 29. Washington, D.C., Brookings Institution. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-new-sectarianism-the-arab-uprisings-and-the-rebirth-of-the-shia-sunni-divide/> (accessed: 10.08.2019).
15. Abdo G. 2016. *The new sectarianism: The Arab uprisings and the rebirth of the Shi'a-Sunni divide*. Oxford, Oxford University Press.
16. Altunışık M.B. 2014. Turkey's return to the Middle East. In Fürtig H. (ed.). *Regional powers in the Middle East. New constellations after the Arab revolts*. New York, Palgrave, pp. 123–144.
17. Amour P.O. 2017. Israel, the Arab Spring, and the unfolding regional order in the Middle East: A strategic assessment. *British Journal of Middle Eastern Studies*, vol. 44, no. 3, pp. 293–309. DOI: 10.1080/13530194.2016.1185696.
18. Andersen L.E., Jiang Y. 2014. *Is China challenging the US in the Persian Gulf?* Danish Institute for International Studies Report, no. 29. Available at: https://www.diis.dk/files/media/documents/publications/diis_report_29_web.pdf (accessed: 10.08.2019).
19. Aras B. 2012. *Turkey's mediation and friends of mediation initiative*. Center for Strategic Research Papers, no. 4. Available at: <http://sam.gov.tr/turkeys-mediation-and-friends-of-mediation-initiative/> (accessed: 10.08.2019).
20. Arin K.Y. 2013. *The AKP's foreign policy. Turkey's reorientation from the West to the East?* Berlin, Wissenschaftlicher Verlag Berlin.
21. Ayata B. 2015. Turkish foreign policy in a changing Arab world: Rise and fall of a regional actor? *Journal of European Integration*, vol. 37, no. 1, pp. 95–112. DOI: 10.1080/07036337.2014.975991.
22. Ayres A. 2019. *Continuity and change: The Trump administration's South Asia policies*. Council on Foreign Relations. Available at: <https://www.cfr.org/blog/continuity-and-change-trump-administrations-south-asia-policies> (accessed: 10.08.2019).
23. Bank A., Karadağ R. 2012. *The political economy of regional power: Turkey under the AKP*. German Institute of Global and Area Studies. GIGA Working Papers, no. 204. Available at: https://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/wp204_bank-karadag.pdf (accessed: 10.08.2019).

24. Bayer R., Keyman E.F. 2012. Turkey: An emerging hub of globalization and internationalist humanitarian actor? *Globalization*, vol. 9, no. 1, pp. 73–90. DOI: 10.1080/14747731.2012.627721.
25. Berti B. *Saudi brinkmanship in Lebanon*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://carnegieendowment.org/sada/63111> (accessed: 10.08.2019).
26. Buzan B., Waver O. 2004. *Regions and powers: The structure of international security*. London, Cambridge University Press.
27. Calabrese J. 1998. China and the Persian Gulf: Energy and security. *The Middle East Journal*, vol. 52, no. 3, pp. 351–366.
28. Cook S.A., Ibish H. 2017. *Turkey and the GCC: Cooperation amid diverging interests*. The Arab Gulf States Institute in Washington. Issue Paper no. 1. Available at: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2017/02/GCCTurkey_ONLINE-2.pdf (accessed: 10.08.2019).
29. Coşkun B.B., Ediğ H.H. 2012. Uluslararası Örgütler ve Dış Politika: Türkiye'nin Uluslararası Örgütlerde Artan Görünürlüğü [International organizations and foreign policy: The rising visibility of Turkey in the international organizations]. In Efeğil E., Erol M.S. (eds.). *Dış Politika Analizinde Teorik Yaklaşımlar: Türk Dış Politikası Örneği* [Theoretic approaches towards foreign politics: The case of Turkish foreign politics]. Ankara, Barış Kitap, pp. 325–346. (In Turkish.)
30. Darwich M. 2014. *The ontological (in)security of similarity: Wahhabism versus Islamism in Saudi foreign policy*. German Institute of Global Area Studies. GIGA Working Paper, no. 263. Available at: <https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp-263-online.pdf> (accessed: 10.08.2019).
31. Davutoglu A. 2008. Turkey's foreign policy vision: An assessment of 2007. *Insight Turkey*, vol. 10, no. 1, pp. 77–96.
32. Demmelhuber T., Kaurert C. 2014. The EU and the Gulf monarchies: Normative power Europe in search of a strategy for engagement. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 27, no. 3, pp. 574–592. DOI: 10.1080/09557571.2013.855168.
33. Dinçer O.B., Kutlay M. 2012. *Turkey's power capacity in the Middle East: Limits of the possible*. USAK Center for Middle Eastern and African Studies. Available at: <https://www.pomed.org/wp-content/uploads/2012/06/Turkeys-Power-Capacity-in-the-Middle-East.pdf> (accessed: 10.08.2019).
34. Doğan E. 2012. *A test for Turkey's foreign policy: The Syrian crisis*. TESEV. Available at: http://tesev.org.tr/wp-content/uploads/2015/11/A_Test_For_Turkeys_Foreign_Policy_The_Syria_Crisis.pdf (accessed: 10.08.2019).
35. Evron Y. 2015. China's diplomatic initiatives in the Middle East: The quest for a greater-power role in the region. *International Relations*, vol. 31, no. 2, pp. 125–144. DOI: 10.1177/0047117815619664.
36. Feierstein G., Greathead C. 2017. *The fight for Africa: The new focus of the Saudi-Iranian rivalry*. Middle East Institute Policy Focus, no. 2. Available at: https://www.mei.edu/sites/default/files/publications/PF2_Feierstein_AfricaSaudi-Iran_web_4.pdf (accessed: 10.08.2019).
37. Hinnebusch R., Ehteshami A. (eds.). 2014. *Foreign policies of Middle East states*. Boulder, Lynne Rienner.
38. Fuller G.E. 2007. *The new Turkish Republic: Turkey as a pivotal state in the Muslim world*. Washington, United States Institute of Peace Press.

39. Gause F.G. 2014. The foreign policy of Saudi Arabia. In Hinnebusch R., Ehteshami A. (eds.). *Foreign policies of Middle East states*. Boulder, Lynne Rienner, pp. 185–206.
40. Gerges F. 2013. The Obama approach to the Middle East: The end of America's moment? *International Affairs*, vol. 89, no. 2, pp. 299–323.
41. Goldberg J. 2016. The Obama doctrine. *The Atlantic*. Available at: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (accessed: 10.08.2019).
42. Herzog M., Robins P. 2014. *The role, position and agency of cusp states in international relations*. London, Routledge.
43. Hinnebusch R. 2019. The Arab uprising and regional power struggle. In Akbarzadeh S. (ed.). *Routledge handbook of international relations in the Middle East*. New York, Routledge, pp. 110–125.
44. Hinnebusch R. 2014. The Middle East regional system. In Hinnebusch R., Ehteshami A. (eds.). *Foreign policies of Middle East states*. Boulder, Lynne Rienner, pp. 35–74.
45. Hinnebusch R., Shama N. 2014. The foreign policy of Egypt. In Hinnebusch R., Ehteshami A. (eds.). *Foreign policies of Middle East states*. Boulder, Lynne Rienner, pp. 75–104.
46. Hudson M.C. 2016. The United States in the Middle East. In Fawcett L. (ed.). *International relations of the Middle East*. 4th ed. Oxford, Oxford University Press, pp. 356–389.
47. Hughes L., Long A. 2015. Is there an oil weapon? Security implication of changes in the structure of the international oil market. *International Security*, vol. 39, no. 3, pp. 152–189. DOI: 10.1162/ISEC_a_00188.
48. İdiz S. 2014. UN vote confirms Turkey's waning influence. *Al-Monitor*. Available at: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/10/turkey-united-nations-security-council-vote.html> (accessed: 10.08.2019).
49. Jones C. 2014. The foreign policy of Israel. In Hinnebusch R., Ehteshami A. (eds.). *Foreign policies of Middle East states*. Boulder, Lynne Rienner, pp. 289–314.
50. Kausch K. 2015. Competitive multipolarity in the Middle East. *The International Spectator*, vol. 50, no. 3, pp. 1–15. DOI: 10.1080/03932729.2015.1055927.
51. Kechichian J. 1999. Trends in Saudi national security. *The Middle East Journal*, vol. 53, no. 2, pp. 232–253.
52. Keyman E.F., Sazak O. 2015. Turkey and Iran: The two modes of engagement in the Middle East. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 321–336. DOI: 10.1080/19448953.2015.1063803.
53. Kirişçi K. 2009. The transformation of Turkish foreign policy: The rise of the trading state. *New Perspectives on Turkey*, vol. 40, pp. 29–56. DOI: 10.1017/S0896634600005203.
54. Kirişçi K., Kaptanoğlu N. 2011. The politics of trade and Turkish foreign policy. *Middle Eastern Studies*, vol. 47, no. 5, pp. 705–724. DOI: 10.1080/00263206.2011.613226.
55. Larrabee S.F. 2010. Turkey's new geopolitics. *Survival*, vol. 52, no. 2, pp. 157–180. DOI: 10.1080/00396331003764686.
56. Manyin M.E. et al. 2012. *Pivot to the Pacific? The Obama administration's 'rebalancing' toward Asia*. Congressional Research Service. Washington. Available at <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R42448.pdf> (accessed: 10.08.2019).

57. Mao Z. 2009. *Defending the Holy Land: A critical analysis of Israel's security and foreign policy*. Ann Arbor, University of Michigan Press.
58. Mead W.R. 2014. The return of geopolitics: The revenge of the revisionist powers. *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 3, pp. 69–79.
59. Meidan M., San A., Campbell R. 2015. *China: The 'new normal'*. Oxford, The Oxford Energy Institute. Available at: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2015/02/China-the-new-normal.pdf> (accessed: 10.08.2019).
60. Molavi A. 2019. China's global investments are declining everywhere except for one region. Three charts highlight Beijing's growing interest in the Middle East and North Africa. *Foreign Policy*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2019/05/16/chinas-global-investments-are-declining-everywhere-except-for-one-region/> (accessed: 10.08.2019).
61. Öniş Z. 2014. Turkey and the Arab revolutions: Boundaries of regional power influence in a troubled Middle East. *Mediterranean Politics*, vol. 19, no. 2, pp. 203–219. DOI: 10.1080/13629395.2013.868392.
62. Öniş Z., Kutlay M. 2013. Rising powers in a changing global order: The political economy of Turkey in the age of BRICS. *Third World Quarterly*, vol. 34, no. 8, pp. 1409–1426. DOI: 10.1080/01436597.2013.831541.
63. Pala Ö., Aras B. 2015. Practical geopolitical reasoning in the Turkish and Qatari foreign policy in the Arab Spring. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 17, no. 3, pp. 286–302. DOI: 10.1080/19448953.2015.1063274.
64. Pınar B. 2004. A return to 'civilizational geopolitics' in the Mediterranean? Changing geopolitical images of the European Union and Turkey in the post-Cold War era. *Geopolitics*, vol. 9, no. 2, pp. 269–291. DOI: 10.1080/14650040490442863.
65. Potter G. 2015. Israel's construction of Iran as an existential threat. *Journal of Palestine Studies*, vol. 47, no. 1, pp. 43–62. DOI: 10.1525/jps.2015.45.1.43.
66. Pressman J. 2009. Power without influence: The Bush administration's foreign policy failure in the Middle East. *International Security*, vol. 33, no. 4, pp. 149–179. DOI: 10.1162/isec.2009.33.4.149.
67. Rabinovich I. 2015. *Israel and the changing Middle East*. Brookings Middle East Memo, no. 34. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/Israel-Rabinovich-01292015-1.pdf> (accessed: 10.08.2019).
68. Robins P. 2006. The 2005 BRISMES lecture: A double gravity state: Turkish foreign policy reconsidered. *British Journal of Middle Eastern Studies*, vol. 33, no. 2, pp. 199–211. DOI: 10.1080/13530190600953351.
69. Robins P. 2014. The foreign policy of Turkey. In Hinnebusch R., Ehteshami A. (eds.). *Foreign policies of Middle East states*. London, Lynne Rienner, pp. 315–338.
70. Sagnic C. 2016. Challenges to Turkey's military deployments abroad. *Turkey Scope. Insights on Turkish Affairs*, no. 1. Available at: <https://dayan.org/content/challenges-turkey%E2%80%99s-military-deployments-abroad> (accessed: 10.08.2019).
71. Salem P. 2008. *The Middle East: Evolution of a broken regional order*. Carnegie Papers, no. 9. Available at: https://carnegieendowment.org/files/cmec9_salem_broken_order_final.pdf (accessed: 10.08.2019).
72. Salloukh B.F. 2014. Sect supreme. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2014-07-14/sect-supreme> (accessed: 10.08.2019).
73. Shlykov P. 2018. The 'Turkish model' in historical perspective. *Russia in Global Affairs*, vol. 16, no. 2, pp. 34–59.

74. Siniver A., Cabrera L. 2015. 'Good citizen Europe' and the Middle East peace process. *International Studies Perspective*, vol. 16, pp. 210–228. DOI: 10.1111/insp.12037.
75. Sözen A. 2010. A paradigm shift in Turkish foreign policy: Transition and challenges. *Turkish Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 103–123. DOI: 10.1080/14683841003747062.
76. Stein E. 2019. Historical sociology and Middle East international relations. In Akbarzadeh S. (ed.). *Routledge handbook of international relations in the Middle East*. New York, Routledge, pp. 46–58.
77. Taşpınar Ö. 2008. *Turkey's Middle East policies: Between neo-Ottomanism and Kemalism*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=22209> (accessed: 10.08.2019).
78. Voller Y. 2015. From periphery to the moderates: Israeli identity and foreign policy in the Middle East. *Political Science Quarterly*, vol. 130, no. 3, pp. 505–535. DOI: 10.1002/polq.12360.
79. Volpi F. 2019. Islam, political Islam, and the state system. In Akbarzadeh S. (ed.). *Routledge handbook of international relations in the Middle East*. New York, Routledge, pp. 69–81.
80. Yanik L. 2011. Constructing Turkish 'exceptionalism': Discourses of liminality and hybridity in post-Cold War Turkish foreign policy. *Political Geography*, vol. 30, no. 2, pp. 80–89. DOI: 10.1016/j.polgeo.2011.01.003.
81. Yavuz M.H. 1998. Turkish identity and foreign policy in flux: The rise of neo-Ottomanism. *Critique: Critical Middle Eastern Studies*, vol. 7, no. 12, pp. 19–41.
82. Youmans W.L. 2016. An unwilling client: How Hosni Mubarak's Egypt defied the Bush administration's 'freedom agenda'. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, no. 4, pp. 1209–1232. DOI: 10.1080/09557571.2015.1018137.